

УДК 811.161.1+811.162.4

Корина Н.Б.*(г. Нитра, Словацкая Республика)*НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ
(РУССКО-СЛОВАЦКИЙ АСПЕКТ)¹

Аннотация. В статье характеризуется роль пространственных моделей в языке и культуре. Как один из основных аспектов их формирования постулируется фактор географического детерминизма, обуславливающий национальную специфику преобладающих пространственных моделей. Проявления национально-специфичного в универсальных по своей сути пространственных моделях рассматриваются на примере родственных языков, формировавшихся в различных ландшафтах, – русского и словацкого.

Ключевые слова: пространственные модели, когнитивные структуры, географический детерминизм, языковая картина мира, русский язык, словацкий язык.

N. Corina*(Nitra, Slovak Republic)*NATIONAL SPECIFICS OF SPATIAL PATTERNS
IN THE LANGUAGE AND CULTURE (RUSSIAN-SLOVAK ASPECT)

Abstract. In this article the role of spatial patterns in the language and culture is described. The factor of geographical determinism is postulated being one of the main aspects of their formation. It is stated that this factor determines the national-specific character of the predominant spatial models. The manifestations of national specificity in inherently universal spatial models are considered on the examples of related languages that were formed in a variety of landscapes – Russian and Slovak.

Key words: spatial models, cognitive structure, geographical determinism, language picture of the world, Russian, Slovak.

В конце XX в. в связи со сменой парадигмы научного знания внимание лингвистов обратилось к темам, которые раньше либо не рассматривались лингвистической наукой, либо были на долгое время забыты и вытеснены на периферию. К таким темам принадлежит изучение пространственных отношений в языке и их связи с процессами мышления [3; 4; 7; 9; 11; 13–16].

¹ Исследование проводится в рамках грантового проекта VEGA 1/0376/12 *Kognitívne dominanty v jazyku a kultúre.*

Проблемы взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры затрагивались лингвистами, начиная с XIX в. (И. А. Бодуэн де Куртене, В. фон Гумбольдт, А. А. Потенция, Э. Бенвенист и др.), однако систематическая работа в данном направлении началась в последней трети XX в., в связи с выходом лингвистики за жёсткие рамки структурализма и так называемым «прагматическим переворотом» в гуманитарных науках. Сначала исследования пространственных отношений в языке строились в основном на изучении особенностей деривации и функционирования пространственных предлогов [10; 11] и наречий пространственной ориентации [16; 17], которые являются наиболее эксплицитными средствами языкового выражения пространственных отношений. Однако это лишь отдельные грани многоаспектного явления. Пространственные модели имплицитно пронизывают все слои языка, присутствуют в системных отношениях разных уровней и отражают особенности восприятия человеком окружающего мира – иными словами, обладают как универсальными чертами, так и национальной спецификой. Эту специфику мы постараемся обозначить на материале родственных славянских языков – русского и словацкого.

Ориентация в пространстве – одна из базовых операций человеческого мозга, основанная на физическом опыте. Для ориентации человеку необходим комплекс ощущений, поступающий через все органы чувств, и прежде всего через зрение и слух, что подтверждает физическую основу восприятия пространства. Как правило, пространственная координация производится по вертикальной (сверху – снизу, высоко – низко/глубоко) и горизонтальной (спереди – сзади, далеко – близко) осям, создавая в человеческом сознании модель физического пространства.

Поскольку восприятие пространства является первичным, пространственные модели в сознании человека накладываются на всю воспринимаемую в ощущениях действительность и становятся органичной схемой, по которой осмысляются все остальные механизмы отношений внутри человеческого общества и между человеком и миром. Эта мысль отчётливо звучит в трудах представительницы Томской научной школы Р.Н. Порядиной: «Модели физического пространства заимствуются как образцы осмысления при постижении явлений внутреннего, психического мира человека и переносятся на восприятие духовных сущностей» [8, с. 13]. Системы создаваемых человеком понятий и ценностей «интерпретируются через вписанность в разные пространственные модели, главным образом, имеющие вертикальную, горизонтальную, внутренне-внешнюю и круговую организацию» [8, с. 14]. Первичность пространственных моделей в человеческом сознании подтверждают также исследования Предрага Пипера, который подчёркивает, что во многих языках категория пространства –

одна из наиболее развитых независимо от степени их генетической, типологической или ареальной близости [15, s. 11].

Всё это даёт основания, вслед за польским исследователем Ю. Липцем, утверждать, что «пространство – отделяя от этого термина метафорические ассоциации – является синонимом универсального набора ценностей» (перевод наш. – Н.К.) [12, s. 21], причём в каждой культуре эти универсалии имеют свою национальную специфику. Общность механизмов мышления (а следовательно, и миромоделирования) у человека как биологического вида обуславливает наличие универсального набора ценностей, общих для всего человечества, однако его реализация индивидуальна в каждой культуре, в силу субъективности человеческого мировосприятия. Так, понятия «добро» и «зло», «польза» и «вред» универсальны и присутствуют в виде оппозиций в любой культуре, однако их наполнение может быть не просто различным, но и диаметрально противоположным. Достаточно сравнить христианские и мусульманские ценности: для мусульманина убить неверного – подвиг, т. е. добро, для христианина любое убийство – смертный грех, т. е. зло. Точно так же различное наполнение и различные приоритеты могут иметь представления о пространстве.

Языковая картина мира (ЯКМ) есть преломление культуры в языке, причём культура понимается не только как комплекс созданных народом материальных и духовных ценностей, но и как сфера реализации национальной ментальности.

На формирование картины мира в целом и ЯКМ как её производной оказывает влияние целый комплекс факторов. Как показали наши предыдущие исследования [2; 5; 6], одно из центральных мест среди них занимает фактор географического детерминизма – влияние ландшафта естественной среды обитания народа на формирование представлений об окружающем мире и, как следствие, его ЯКМ.

Хотя вся окружающая человека действительность определённым образом пространственно ориентирована в его сознании, тем не менее влияние на приоритетность тех или иных пространственных моделей оказывает именно конфигурация ландшафта, который представляет собой естественную систему координат, лежащую в основу пространственной ориентации и находящую отражение в языке народа, сформированного в данном ландшафте.

Совершенно очевидно, что у всех народов мира присутствуют как вертикальные, так и горизонтальные модели организации пространства. Однако их «востребованность» неодинакова и зависит от множества факторов.

Чтобы выявить степень влияния фактора географического детерминизма на формирование национальной ментальности (и, как следствие,

ЯКМ), мы выбрали в качестве объекта изучения родственные славянские языки – русский и словацкий, которые исторически развивались в разных географических условиях. Словацкий народ формировался в горных районах без выхода к морю, русский – на бескрайних равнинах, что обусловило доминантность вертикальных пространственных моделей в словацкой ментальности и горизонтальных – в русской [2].

Для описания механизмов вербализации ментальных процессов мы оперируем понятием *концепта* – глобальной мыслительной единицы с образной природой, кванта структурированного знания (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Ф. Алефиренко). Формирование концептов обусловлено метафоричностью человеческого мышления. Наукой доказано, что человек мыслит образами, накладывая уже существующие представления по аналогии на новые явления, чтобы сделать их понятными и доступными – так возникает метафора, которая, по справедливому утверждению Дж. Лакоффа, является по своей сути феноменом, обеспечивающим понимание [7, с. 208]. Не случайно существует огромное количество исследований метафоры и её функций в различных аспектах – ведь это базовый инструмент человеческого сознания. А концепт, образно выражаясь, – её ближайший родственник, структурный элемент мыслительных процессов и одна из базовых когнитивных структур. Он близок также к обыденному (наивному) понятию – представлению об определённом явлении в обыденном сознании, которое отличается от научного понятия, имеющего строгую дефиницию и обладающего определённой степенью абстракции (о различении терминов *концепт*, *понятие*, *категория* и др. [1]). Все эти когнитивные структуры взаимодействуют по определённым схемам, на что указывали в своё время Дж. Лакофф и М. Джонсон. В их известном труде «Метафоры, которыми мы живём» [7] подчёркивается: «...метафорические ориентации не произвольны. Они основаны на нашем физическом и культурном опыте. Хотя полярные противопоставления «верх – низ», «внутри – снаружи» и т. п. по сути являются физическими, основанные на них ориентационные метафоры различаются от культуры к культуре» [7, с. 35]. В этом проявляется их национальная специфика.

Обыденное понятие, в отличие от концепта, не метафорично и не обладает образной структурой, однако также участвует в формировании представлений об окружающей действительности и может быть индикатором преобладания тех или иных пространственных моделей в национальном сознании. Например, обыденное понятие *высота/высокий* связано с вертикальной организацией пространства, а *широта/широкий* – с горизонтальной организацией пространства. Круговая организация пространства в горном ландшафте имеет видимые границы в пределах горных массивов, в

то время как в преобладающем равнинном ландшафте она пространственно не ограничена и практически переходит в бесконечность. Эта пространственная специфика отражается в языке: в словацком языке с доминирующими вертикальными пространственными моделями и пространственной ограниченностью наблюдается более высокая частотность и разнообразие лексико-синтаксических конструкций, семантически связанных с высотой и замкнутостью (напр., *Včera som bol hore do polnoci, treba bolo dokončiť súrnu robotu* / Вчера я не спал до полуночи, нужно было закончить срочную работу (букв. «я был кверху до полуночи»); *Mama je už hore?* / Мама уже встала? (букв. «Мама уже кверху?») и т. п.), в то время как в русском языке более высокой по сравнению со словацким является частотность конструкций, связанных с ширью и простором (по аналогии с бескрайними равнинами, не имеющими явно очерченных границ) [5].

Национальная специфика проявляется уже в самой семантической структуре формально идентичных понятий *простор*, *пространство* в русском и *priestor*, *priestranstvo* в словацком языке. Согласно «Краткому словарю словацкого языка» (KSSJ), слово *priestor* выступает в двух основных значениях: «1) не ограниченное конкретными размерами место, среда: *vzduchoprázdny p.*, *kozmičký p.*; *филос.* измерение, определяющее форму сосуществования, распределение различных бытийных сфер; 2) **определённая, ограниченная среда: *ložný p. vozňa*** (объём вагона); *nebytový p.* нежилые помещения дома» (здесь и далее перевод наш. – Н. К.) [23]. Обобщая, можно сказать, что первое значение сводится к понятию «пространство», а второе – к понятию «вместилище, помещение», причём в обоих значениях присутствует элемент измерения. Подтверждает это и «Словарь синонимов словацкого языка» [24]: «*priestor* место, не ограниченное конкретными размерами • *priestranstvo*: *rozsiahly priestor*, *rozsiahle priestranstvo* (широкий простор, значительное пространство); *priestor*, *priestranstvo medzi Dunajom a Karpatmi* (пространство/территория между Дунаем и Карпатами) • устар. *priestora* • *areál* (ограниченная часть территории): *areál výstaviska* (ареал экспоцентра) • *plocha* (площадь/площадка – двумерное пространство): *štartovacia plocha* (стартовая площадка) • экспр.: *širava* • *širina* (широкий простор, ширь): *ísť širavou*, *širinou* (идти/ехать широкими просторами)» [24]. Эти значения можно дополнить толкованием и примерами академического «Словаря словацкого языка» [26] издания 1959 – 1968 гг. (новый академический толковый словарь все еще в процессе издания, и его разделы опубликованы до буквы П). В словаре все значения сведены к одному, обобщенному, значению, однако среди примеров приводятся термины разных областей знания с компонентом *priestor*: «*priestor*, -у, б. *p.* -е, *mn.* ч. -у *m.* комплекс всех мест, в которых может находиться материя; объективная, реальная форма бытия: *rozsiahly*,

nesmierny p. (широкое, огромное пространство), *tesný p.* (малое пространство, тесное помещение); *svetový, medziplanetárny p.* (мировое, межпланетное пространство); *vzduchoprázdný p.* (вакуум – букв. «пространство без воздуха»); *tech. vodný, stavebný p., lodný p.* (тех. водное пространство, строительная площадка, гавань – букв. «пространство для кораблей»); *voj. bojový, ohrozený, vzdušný p.* (воен. арена боевых действий, пространство под угрозой, воздушное пространство); *anat. pohrudnicový, vnútroľbový p.* (анат. грудная полость, внутричерепной объем); *div. javiskový, scénický p.* (театр. площадь сцены, сценическое пространство)» [26]. Оба толковых словаря через понятие *priestor* толкуют понятие *priestranstvo*: «**priestranstvo** -a -tiev s. voľný priestor (свободное пространство): **verejný p.** (общественное пространство)» [23]; «**priestranstvo**, -a, -tiev str. voľné miesto, voľný priestor (свободное место, свободное пространство): **voľné, veľké, široké p.** (свободное, большое, широкое пространство); *na priestranstve medzi Dunajom a Karpatmi (Škult.)*» [26]. Таким образом, в словацком языке *priestor* – более общее понятие (аналогичное русскому «пространство»), включающее в себя *priestranstvo* как неравноценный, более частный синоним. В качестве дополнительной иллюстрации добавим, что при наименовании онтологических категорий (т. е. абстрактных понятий) в словацком языке используется слово *priestor*, а в русском – *пространство*: *čas a priestor – пространство и время*.

В русском языке понятия *простор* и *пространство* находятся в отношении общего и частного – носителем более общего значения служит слово «пространство». Поскольку в русском языке невозможно применение понятия *простор* к ограниченному пространству, в его семантической структуре нет семы «помещение», но есть сема «свобода, раздолье», которая лишь маргинально намечена у словацкого эквивалента [20, с. 461; 21, с. 766]. Кроме того, здесь проявляется национальная специфика, обусловленная доминирующими горизонтальными пространственными моделями: слово «простор» ассоциируется преимущественно с понятиями *ширь, широта, свобода, бесконечность, бескрайность*. Носителю русского языка это очевидно, однако для большей объективности сошлёмся на: а) «Словарь синонимов русского языка», который к слову *простор*, определяемому через понятие *пространство* как «обширное, свободное пространство», даёт синонимический ряд *ширь, даль, приволье, раздолье* [22, с. 456]; б) тексты русских народных песен (Из-за острова на стрежень, *на простор* речной волны...; Вижу чудное *приволье*, / Вижу нивы и поля./ Это русское *раздолье*, / Это русская земля и т. д.) и в) материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), которые фиксируют как тексты русской литературы и публицистики, так и устную речь, в частности: «Вдруг забрезжил огоньками семафоров безмолвный простор, куда железная дорога вытекала рекой

путей перед тем, как разойтись сотней направлений во все стороны света» (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001) [19]; «Раскинувшийся, почти необъятный простор Невы» (И. Грекова. Фазан, 1984) [19]; «Вот взять Голландию. Маленькая страна / а всё есть. Потому что маленькая. А у нас широта / простор...» (Юрий Мамин, Владимир Вардунас. Фонтан, к/ф., 1988) [19].

Когнитивные структуры (концепты, обыденные понятия и т. д.), преобладающие в национальном мировосприятии того или иного народа, мы назвали *когнитивными доминантами*. То, что в русском и словацком языках они во многом географически детерминированы и связаны с преобладанием горизонтальных или вертикальных пространственных моделей, подтверждают языковые факты разных уровней. Наиболее ярко их отражают так называемые пространственные метафоры (термин Дж. Лакоффа). В обобщённом виде их можно соотнести со шкалой ценностей по схемам: в русском языке «хорошо = широко» (см. примеры из НКРЯ выше), в словацком – «хорошо = высоко», т. е. в словацком языке гораздо ярче проявляется вертикальная модель «хорошее ориентировано наверх, плохое ориентировано вниз», что мы кратко проиллюстрируем на фразеологическом материале по данным Словацкого национального корпуса [25]:

1) *byť hore koncom* 'быть в полном порядке, в ажуре' (букв. «быть вверх концом»): *To sa už nedalo pokladať za odvalu, ale za tvrdohlavosť. Veď keby som sa neudržal hore koncom, nebudem sa predsa motať po vonku* [25] – Это нельзя было считать смелостью, а, скорее, упрямством. Ведь если бы я не удержался на плаву, я не болтался бы на свободе;

2) *(ísť) dolu kopcom* «заметно ухудшаться» (досл. «(идти) вниз с горы»): *Aby hygienická a veterinárna situácia Slovenska nešla dolu kopcom, musí mať aj štát na fungovaní existujúcich kafilérií záujem* [25] – Чтобы санитарная и ветеринарная ситуация Словакии не *ухудшалась*, государство должно проявить интерес к работе существующих скотобоен; *A tak som /.../ čakala, že sa hádam niečo udeje. No skôr to vyzeralo, že všetko ešte ide dolu kopcom* [25] – Я /.../ ждала, что хоть что-нибудь произойдёт. Но больше походило на то, что *дела идут всё хуже*.

Наши исследования подтверждают первостепенное значение пространственных моделей в языке, а также следующие наблюдения Дж. Лакоффа и М. Джонсона, сделанные в процессе изучения свойств пространственных метафор:

1) большинство фундаментальных концептов каждой культуры организованы с помощью одной или более пространственных метафор;

2) пространственные метафоры коренятся в нашем физическом и культурном опыте, а не устанавливаются произвольным образом. Метафо-

ра может служить средством понимания концепта только благодаря своей эмпирической природе;

3) наш физический и культурный опыт предоставляет множество различных оснований для пространственных метафор. **То, какие из этих оснований будут выбраны и какие станут базовыми, варьируется от одной культуры к другой** (выделение наше – Н.К.);

4) материальное основание метафоры неотделимо от культурного, т. к. выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами [7].

Кроме того, рассмотрение языковых фактов разных уровней подтверждает предположение П. Пайпера о том, что «даже поверхностное сравнение двух и более языков, являющихся родственными, демонстрирует, что из богатого разнообразия формальных возможностей выражения пространственных отношений одни языки предпочитают одни возможности, в то время как другие возможности используют в меньшей мере или не используют вовсе, либо что единицы с пространственным значением, принадлежащие к определённому языковому уровню, в двух или более языках организованы на более или менее различной основе» (перевод наш. – Н.К.) [15]. В русском языке доминантными являются горизонтальные пространственные модели, а в словацком – вертикальные, что обусловлено географически детерминированной спецификой формирования национальной картины мира каждого из данных народов.

Источники и литература

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – 2010. – Вып. 6. – № 12 (83).

2. *Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б.* Проблемы когнитивной лингвистики. – Нitra: ФФ УКФ, 2011.

3. *Жуйкова М.Б.* Особенности структурирования вертикального пространства в восточнославянских языках // *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych.* – Lublin: UMCS, 2005.

4. Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. проф. З.И. Резанова. – Томск: UFO-Plus, 2007.

5. *Киселёва Н.Б.* Когнитивные аспекты словацко-русского языкового параллелизма // *Dialog kultur V. Sborník materiálů z mezinárodní vědecké konference.* O. Richterek, M. Půža (eds.). – Ústí na Orlicích: Oftis, 2009.

6. *Корина Н.Б.* К вопросу об оппозиционных доминантах в русской и словац-

кой языковой картине мира // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2012.

7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.

8. *Порядина Р.Н.* Духовный мир в образах пространства // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. проф. З.И. Резанова. – Томск: UFO-Plus, 2007.

9. *Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata. Wydanie trzecie. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2009.

10. *Cichońska M., Pycia P.* Prostorni odnosi u gramatici i učenju stranoga jezika. In: Spotkania międzykulturowe. – Tom II. Językoznawstwo. Glottodydaktyka. Pod red. K. Jarząbek, A. Ruttar, S. Sojdy. – Katowice: Uniwersytet Śląski w Katowicach, 2012.

11. *Lachur Cz.* Semantyka przestrzenna polskich przymków prefigowanych na tle rosyjskim. – Opole: Uniwersytet Opolski, 1999.

12. *Lipiec J.* W przestrzeni wartości. Studia z ontologii wartości. – Kraków, 1992.

13. *Maciejewski W.* O przestrzeni w języku. Studium typologiczne z językiem polskim w centrum. – Poznań, 1996.

14. *Piętkowa R.* O aksjologizacji przestrzeni w języku i poezji. In: Język i kultura. T. 2. Pod red. A. Pajdzińskiej, R. Tokarskiego. – Lublin: UMCS, 2001.

15. *Piper P.* Jezik i prostor. – 2 izd. – Beograd: XX vek, 2001.

16. *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych.* – Lublin: UMCS, 2005.

17. *Rasulić K.* Tako blizu, a tako daleko: O metaforičkoj konceptualizaciji zasnovanoj na pojmovima blizu i daleko. In: P. Piper (ed.) Kognitivnolingvistička proučavanja srpskog jezika. – Beograd: SANU, 2006. 18. Sipko J. Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie. – Prešov: FF PU, 2011.

Источники и словари

19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: www.ruscorgo.ru (дата обращения: 05.07.2013.).

20. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990.

21. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007.

22. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Наука, 1975.

23. *Krátky slovník slovenského jazyka. 4., dop. a upr. vyd.* Red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. – Bratislava: Veda, 2003.

24. *Synonymický slovník slovenčiny. – 3., nez. vyd.* – Bratislava: Veda, 2004. 25. *Slovenský národný korpus* [Электронный ресурс]. – URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 08.07.2013.).

26. *Slovník slovenského jazyka. Hl. red. Š. Peciar.* – Bratislava: SAV, 1959–1968.